

Гоген из Магнитки

«Работа с металлом — это от бога, металл надо чувствовать», — убежден Сергей Синенков

КАК СТАНОВЯТСЯ свободным художником? Путь человек нашел множество. Поль вон Гоген работал биржевым маклером, неплохо был устроен в жизни, в материальном смысле, потом как-то вдруг показалось ему, что биржевая маклература не соответствует в полной мере его душевным устремлениям, — взял да и бросил все, уехал на Таити с одними, грубо говоря, красками. Свобода и искусство! Материальность осталась в другом мире. А в этом — душа и творчество.

Теперь вернемся в наши дни и в Магнитогорск и посмотрим: а нет ли среди нас таких душевных творцов? Не долго интригуя, скажу — есть. Есть такой художник, а имя ему — Сергей Михайлович Синенков. И хотя его картины несколько иного свойства — он творит уменьшенные копии ружей, карабинов, автоматов, — сути это не меняет. Уменьшение же затрагивает только размеры, но отнюдь не те ощущения, которые испытываешь, когда держишь в руках ППШ или знаменитую трехлинейку Мосина. Чик — штык в боевое положение, чик — затвор назад, получик — вставил воображаемый патрон, затвор вперед, прицелился... выстрел! Все это сопровождается улыбкой хозяина и его словами, что мужчина в том, что касается оружия, до старости ребенок. Одним словом, чик-чик — и мальчик.

К своей свободе творить любимые вещи Сергей Михайлович шел примерно по тому же пути, что некогда проторил Гоген: сначала вверх, вверх по житейско-служебной лестнице — выпускник Магнитогорского горно-металлургического института, инженер, мастер, владелец и директор собственного успешного предприятия в Нижнем Тагиле, заместитель генерального директора торговой фирмы — потом резкая остановка и своего рода Таити — сейчас он слесарит на ММК и ваяет оружие на кухне. Почему?

— А мне надоело быть начальником, — говорит он, — я же с 78 года начальником. Сейчас занимаюсь творчеством, изобретательством и мне спокойно. Все-таки по сути своей я, наверное, не руководитель, а свободный художник. И надо мной начальников нет, терпеть этого не могу. У нас там так: передо мной поставили задачу, проблему обозначили, а как ее решать — это уже, простите за тавтологию, моя проблема. Вот к примеру, на комбинате потребовалась машина для чистки полов. Что-то они делали когда-то, лет восемь назад, она у них не пошла. Сейчас я им предложил принципиально новую, разработал, рассчитал, — скоро будет. Не так давно начальник цеха определил другое узкое место: надо начать изготавливать прокладки. Я разработал, рассчитал и сам же изготовил целую линию. Дальше, надо было линию по изготовлению хомутов для обжатия шлангов. Пятнадцать лет вручную их обжимали... Теперь у них машинка, что называется, «для дурака»: туда сунул, сюда сунул — все готово. Вообще, у меня только за последний год что-то около двадцати внедренных предложений. А когда-то я был признан лучшим молодым рационализатором, диплом мне вручал сам Ромазан еще в Нижнем Тагиле. Изобретательство — это же ин-

тересно... Пока интересно, я работаю, станет неинтересно — уйду...

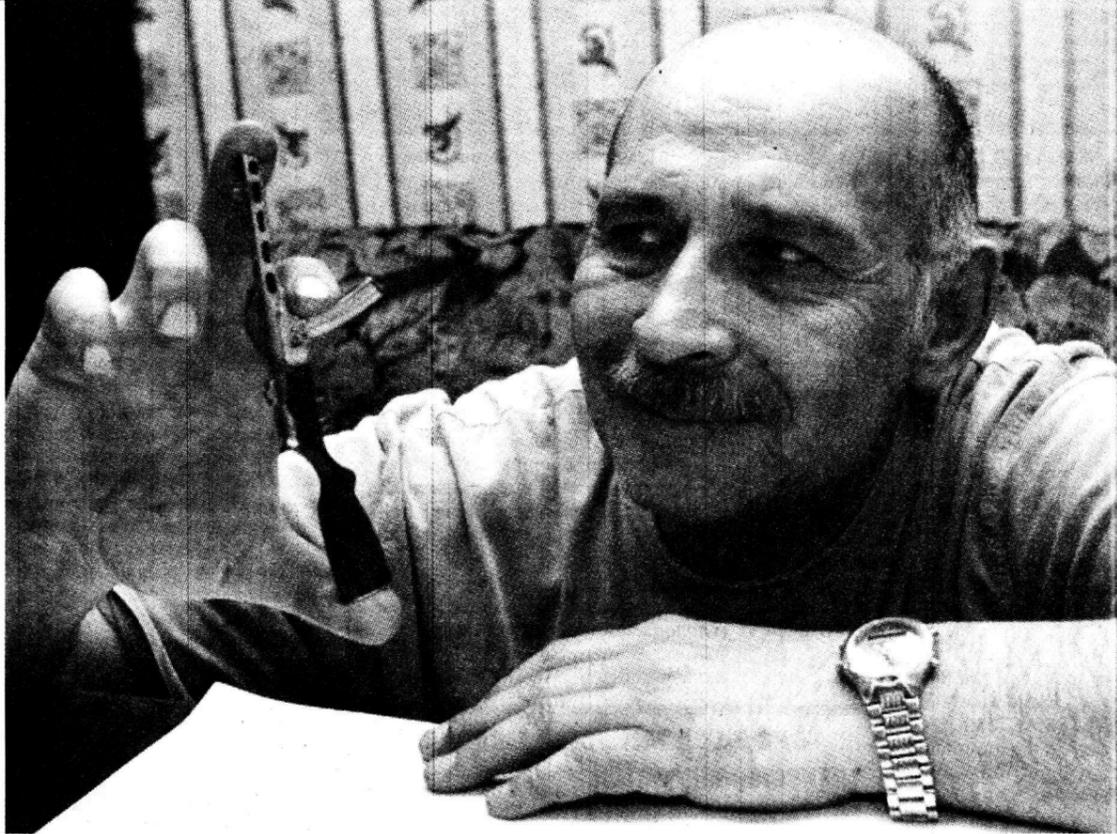
Но для души, конечно же, оружие. Не знаю, наверное, это генетически заложено. Мы ведь из казаков, мои деды и прадеды жили и служили здесь еще задолго до того, как родилась Магнитка. Да и сам я, кстати, служил, дослужился аж до майора, соответственно, личное оружие было. А модели... Началось еще в детстве, как у всех пацанов. Понравилось, занимался этим потихоньку. А недавно решил для себя, что создам целую коллекцию. Принялся всерьез, и теперь все время уходит на это. Вот здесь все это и рождается.

Никаких особенных оружейных станков в поле зрения не попадает. Сергей Михайлович обводит жестом кухню:

— А вот же: надфили, наждак, бор-машина, тиски, сверлильный станок, паяльник, боры. Желательно, конечно, станок специальный... видел недавно отличный французский станок. Но не могу себе позволить, двадцать семь тысяч все-таки... Так что вся уникальность моего оружия — только в том, где оно производится. В Туле вон тоже делают, но там проще — в цехах. Оно там и побольше — один к четырем. У меня один к пяти. Если меньше, то уже придется отказаться от каких-то деталей. А так, вот в этом автомате их все сто двенадцать. Можно и в руках подержать, можно разобрать, собрать, стрелнуть. Здорово нервы успокаивает.

Много всяких секретов и секретиков об оружии узнал я за время нашей неспешной беседы. Оказывается, наш ППШ ценится в годы Великой Отечественной гораздо выше пресловутого МП-40, который весь мир ошибочно называет «шмайсером» и который был изготовлен в количестве около миллиона экземпляров против наших четырех с лишним миллионов. Немцы бросали любое оружие ради нашего автомата, а не наоборот, как зачастую показывали в кино. Оказывается, снайперы предпочитали царский, а не советский вариант винтовки Мосина, потому что у первой ствол был прилажен более плотно, а для снайпера первое дело, чтобы ничто нигде не болталось. Оказывается, и штгы для снайпера вещь далеко не лишняя, потому что он отлично уравнивает винтовку. Оказывается, «трехлинейка» называется так потому, что одна линия — это одна десятая дюйма, то есть 2,54 см, а три линии и есть известный калибр 7,62. Оказывается, самый сложный элемент огнестрельного оружия — патрон, а все остальное, по словам Сергея Михайловича, — всего лишь средство доставки пули.

— А вот стрелять-то как раз и не-

Его картины иного свойства — он творит уменьшенные копии ружей и автоматов

Фото Евгения Рухмалева.

бязательно, — рассуждает Сергей Михайлович. — Достаточно в руках подержать, повозиться, поразбираться — уже приятно. И потом, оружие — это мысль, это красота. И хотелось бы, чтобы люди видели эту красоту. Я как-то зашел в картинную галерею, спросил, интересно ли им это. Они с радостью. Думал, что к 60-летию Победы сделаю коллекцию, выставлю. А потом у меня родилась идея подарить по ППШ Путину, Сумину, Рашникову. Наше руководство — а я член партии «Единая Россия» — одобрило. Путину и Сумину уже отправлены, буквально пару дней назад. Этот вот стоит для Рашникова, легче всех, кстати, с ним было, уж не знаю почему... Так что коллекцию пришлось немного отодвинуть. Но все равно сделаю. Цель поставлена, все для ее достижения у меня есть, значит, будет достигнута. Пока здоровье позволяет, пока мне это интересно, буду делать оружие. Такая вот картина.

Как видите, можно уехать на Таити и создавать там полотна, а можно уйти на кухню и создавать там свои картины. Какая разница, где быть свободным художником.

Геннадий АМИНОВ.

P.S. Пока готовился материал, из достоверных слухов стало известно, что ППШ, врученный на инаугурации Сумину, так ему понравился, так он им закичался, что в глазах что-то заблестело — то ли детство, то ли слезы.

ЮБИЛЕИ

Исполнилось 50 лет блестящему практическому врачу высшей категории и организатору медицины, заведующему хирургией 4-й горбольницы Владимиру Санину.

В 60-е годы престижность профессии врача, наверное, стояла на втором месте после космонавта. И в немалой степени этому способствовала литература тех лет, чьи герои, наделенные легким «профессиональным» цинизмом, преподносили в романтическом ореоле современных интеллигентов, а то и суперменов. Получил свою дозу этой «профорIENTATION» и сын сельского врача-ветеринара Владимир Санин, уже к окончанию школы примерив на себя «белые одежды» ге-

Сердце на ладони

роев произведений Юрия Германа «Я отвечаю за все», «Дорогой мой человек», «Дело, которое ты служишь», Василия Аксенова — «Коллеги», Юлия Крелина — «Игра в диагноз», «На что жалуетесь, доктор?» и, конечно, великолепную публицистику корифея медицины Николая Амосова — «Сердце на ладони», «Книга о счастье и несчастьях». Тогда многая продвинутая молодежь, верно понимая, что «сердце на ладони» — это символ искреннего служения людям, «двинула» в медицину, а уж парни так точно — в хирургию, в высший ее пилотаж.

«Колея» Владимира Санина оказалась на удивление прямой, как верно избранный маршрут поезда элитарного назначения. Он, выходя из курганской глубинки, по случайной случайности получил направление в интерна-

туру в Магнитогорск. И стоит ли удивляться, что попал он в довольно умелые руки звезд магнитогорской медицины, где первыми наставниками Владимира Васильевича стали — вы только вдумайтесь! — Рудольф Гун, Владимир Никишин, Лев Бейлин, Петр Маркин, а затем — Вадим Мочалин, Алексей Карнаух, Сергей Совцов, Евгения Кармазина.

А «сердце на ладони» Владимиру Санину довелось подержать и в буквальном смысле — уже в начале своей врачебной деятельности, когда после очередной магнитогорской ночной поножовщины ему на операционный стол привезли парня с проникающим ранением сердца, которого он, по сути, вызволил уже с того света. И который по сей день жив-здоров, чего при встрече желает и своему доктору.

Владимир Санин не ведет реестра спасенных жизней, не ставит засечки на косяке ординаторской после каждой успешной операции, подобно снайперу, отмечающему на прикладе «удачные» выстрелы. А этих операций — многие сотни. Около десяти лет назад он одним из первых освоил метод хирургии малых доступов, эндоскопической хирургии с видеолaborоскопией — это когда операционное поле наблюдается на мониторе через небольшой прокол. Кого не касалось, пожмут плечами. Иные не поймут, как это можно через небольшой прокол вслепую что-то отрезать-зашивать. Поймут больные, наверняка оценившие этот щадящий метод. И коллеги, знающие, какое для этого требуется искусство хирурга.

«Полтинник» Владимира Санина — далеко не повод подводить итоги деятельности человека, обретшего колоссальный опыт и имеющего немалые потенциальные возможности. Порадуемся этому и искренне поздравим юбиляра.

Юрий БАЛАБАНОВ.